

Лев Разумовский

НАС ВРЕМЯ УЧИЛО...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р17

Дизайн обложки Ксении Кузьминой

*Фотография на задней стороне обложки –
Л. Разумовский «Солдаты» (фрагмент), 1958 г.*

Разумовский, Лев Самсонович.

Р17 Нас время учило.../ Л.С. Разумовский. – Москва :
Издательство АСТ, 2019. – 448 с. – (Фронтовой
дневник (новое оформление)).

ISBN978-5-17-110267-8

«Нас время учило...» – удивительно искренние воспоминания о войне, написанные скульптором Львом Разумовским. Попав на фронт семнадцатилетним мальчишкой, в июле 1944 года он был ранен и потерял руку. Однако случившаяся трагедия не сломила этого сильного духом человека – он не только научился обходиться без посторонней помощи в быту, но и продолжил заниматься творчеством. Сегодня его скульптуры находятся в лучших музеях и частных коллекциях России, Финляндии, Швеции, Великобритании, Канады, США, а игрушки, созданные по его эскизам, знают и любят многие поколения детей. Все эпизоды этой книги – подлинные, а фамилии настоящие. Читатель проходит военный путь Льва Разумовского, почти физически ощущая атмосферу в казарме, узнает, что чувствует человек, попавший под минометный обстрел в болоте. Правда никогда не дается легко, но именно эти подробности жизни военных лет делают «Нас время учило...» одной из самых правдивых книг о войне, свободных от табуированных тем.

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN978-5-17-110267-8

© Лев Разумовский, наследники,
текст, 2019.

© Лев Разумовский, наследники,
иллюстрации, 2019.

© ООО «Издательство АСТ», 2019.

Об авторе

Лев Самсонович Разумовский
(1926–2006)

Родился в Ленинграде. До войны занимался в кружке лепки Ленинградского Дворца пионеров.

После блокадной зимы летом 1942 г. эвакуировался вместе с детским домом в Горьковскую область, откуда в возрасте 17 лет был призван в армию. В боях за освобождение Петрозаводска в июле 1944 г. был ранен, потерял руку. Демобилизован в апреле 1945 г.

В 1945 г. поступил в Ленинградское художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной на факультет скульптуры (руководитель курса Р.К. Таурит), окончил его в 1953 г. Дипломная работа «Летчик» (бронза) установлена в Московском парке Победы (Санкт-Петербург).

Член Союза Художников РФ с 1957 г. Участник более 70 выставок, включая три персональные (1980, 1997, 1998), две международные (Лейпциг-1952, Пловдив-1952) и три всероссийские.

Работы Л.С. Разумовского находятся в музеях и частных коллекциях России, Финляндии, Швеции, Великобритании, Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Израиля, Канады, США. Пять работ находятся в Русском музее.

В скульптуре работал в разных жанрах: памятники, садовая скульптура, портреты, композиции, мелкая пластика, медали. Соответственно своему характеру, создал много юмористических и лирических композиций, но главными темами всей жизни были война и Холокост.

Профессиональный художник детской игрушки: создал 120 моделей игрушек, из них 80 моделей выпущались массовым тиражом фабриками Ленинграда и Москвы, в том числе любимые многими поколениями детей Карлсон, доктор Айболит, Тянитолкай, обезьянки, клоуны. Автор трех комплектов солдатиков: «Революционные матросы», «Ледовое побоище» и «Куликовская битва».

В 1950–1960-е годы работал по договору на Ленинградском опытном керамическом заводе. Создал более 15 авторских образцов для массового тиражирования керамической настольной скульптуры: серия «Мальши» (дети и звери), варианты композиции «Игра» (мать с ребенком, пантера с детенышем, тигрица с тигренком).

Параллельно со скульптурой занимался живописью, акварелью, рисунком.

Книга «Нас время учило...» была издана журналом «Звезда» в 2016 г. Ранее документальные повести публиковались в журнальном варианте в журналах «Нева»: «Нас время учило» (1995, №11 и 12); «Дети блокады» (1999, №1) и «Звезда» (2014, №12).

Также опубликованы воспоминания об ушедших друзьях-скульпторах: «Памяти Володи Татаровича» («Крещатик», 2002, №1) и «Паренек из Великих Лук» («Нева», 2004, №9).

Лев Разумовский — автор более ста коротких рассказов, часть из которых собрана в домашнем издании под названием «Моя коллекция».

Лев Самсонович был одним из собирателей и редакторов воспоминаний евреев-фронтовиков, вошедших в двухтомник «Книга живых» (Издательство «Акрополь», 1995, издательство «Журнал «Нева»», 2004).

С работами и текстами Льва Разумовского можно познакомиться на его официальном сайте:

<http://lev-razumovsky.org>

Незнайка на войне

Не будь эта книга так хорошо написана — так искусно безыскусно, — читать ее было бы тяжело, а все равно — надо.

Лев Разумовский рассказывает о вещах невеселых — и о некрасивых — и даже об отвратительных. И в том числе о таких, про которые почти ничего никому неизвестно: потому что до него почти никто не решился рассказать.

Люди с похожим опытом большей частью погибли на войне. А кто уцелел — молчал, чтобы не сгинуть в лагере.

Мы — их дети — помним это угрюмое молчание фронтовиков.

Оттепель развязала кое-кому память. Оттепель и неотступный гнев на лживую послевоенную «военную» литературу.

Огромная — до неба и во весь горизонт — стена вражья окружила войну. (Прочная до сих пор, разве что поросла мхом.)

Большие писатели проделали в ней большие проломы. Виктор Астафьев, например. Василь Быков.

А Лев Разумовский проделал пролом небольшой. Но заглядывать в него страшно. И видно — очень далеко. (Хотя после войны он не в писатели пошел, а, как и мечтал, — в скульпторы, попутно стал игрушечных дел мастером, — но вот же и литературный дар в нем постоянно и скрытно горел; бывают такие люди.)

История очень простая. Жил на свете счастливый советский мальчик.

Он вырос в семье, где все любили друг друга. В отдельной квартире. (Повезло!) В огромном городе с прекрасными зданиями. (Повезло!) В счастливой, в счастливой,

в счастливой, — утром говорило ему радио, днем повторяла школа, вечером — кинофильм или библиотечная книга: счастливцев! ты живешь в счастливой стране.

И он действительно был счастлив. И очень любил свою счастливую родину. И, когда она оказалась в опасности, пошел сражаться за нее. Ежеминутно рискуя жизнью. Готовый в любой момент отдать эту свою жизнь — лишь бы только родина победила и снова была счастлива.

Родина же на войне при каждом удобном случае плевала ему в лицо. Под предлогом, что он еврей. Но на самом деле — именно за то, что он был счастливый, городской, советский, верил книгам и кинофильмам. И совершенно не понимал господствующей — тюремной — этики.

На войне Лев Разумовский с изумлением убедился, что в Советском Союзе маловато советских людей. Это была глубоко несчастная страна, атмосфера которой, отравленная террором, была пропитана равнодушной ненавистью всех ко всем. Скажем, дети первых колхозников ненавидели детей первых интеллигентов. (И случилось так, что он оказался в абсолютном меньшинстве, равном абсолютному одиночеству.)

А была такая — даже не прослойка — пленка: сотня-другая тысяч людей 1923–1926 гг. р. Не выдумал же нелепый писатель Фадеев молодогвардейцев. Они существовали, у них был символ веры — цитата из одного рассказа для детей, написанного в 1939 году:

«Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

В символе веры было две лжи. Не все из идеалистов — из энтузиастов — успели это понять прежде, чем пропали.

Лев Разумовский не пропал. На войне он потерял, кроме иллюзий, только руку, не жизнь.

И вернулся в счастье. Которое, как он понял раз и навсегда, бывает исключительно в любимой семье и в любимой работе, больше нигде.

Кстати: заметили ли вы, что это слово — счастье — за полстолетия фактически выпало из речевого обихода? Как и некоторые другие: справедливость, например, или милосердие, или свобода. И — последнее из всех, потевшее смысл прямо на наших глазах, — слово «правда».

Мышка бежала, хвостиком махнула, словечко упало и разбилось, смысл вытек, осколки золоченой скорлупы растерлись в пыль.

Возможно, Лев Самсонович был самым счастливым человеком из тех, кого я встретил в жизни. Потому что его все любили. Потому что нельзя было его не любить. По-моему — хоть я, конечно, и не особенно в этом разбираюсь, — он воплощал мечту каждой женщины. (А женщины знают, о ком мечтать.) Умен, добр, бесстрашен, талантлив. А еще в нем была черта, которую не знаю, как назвать, кроме как чистотой. (Читая эту книжку, слушая звучащий в ней голос, вы поймете.)

Мыс ним, собственно, поэтому и не подружились. Он был мне не ровня. Как металлический кувшин — глиняному. Я его стеснялся. Он был настоящий. А я — унылый циник, исковерканный безнадегой Застоя.

Но я им восхищался. И как же я рад, что дожил до этой книжки. А как он был бы рад увидеть ее. Пусть правда в нашей стране обесценилась. Для настоящих людей она все равно дороже всего, даже своей страшной себестоимости. Потому что человеческий ум без нее умирает от удушья.

*Самуил Лурье,
22 января 2015*

О книге «Нас время учило...»

У этой книги — запах абсолютной правды. Как только началась эта дорога семнадцатилетнего человека на войну — так сразу, с неминуемой какой-то естественностью, всплыла передо мной шаламовская Колыма. Когда совершенно не думаешь о литературе и лишь потом вспоминаешь о ней — но лишь как о ковше, которым автор зачерпнул из живой дымящейся жизни и донес до меня ее, не расплескав и не разбавив: пей, брат.

Да не подавись, добавлю я, а постарайся все же переварить — потому что это действительно так оно и было и пережито под постоянным прицелом близкой смерти: от пули, от ножа, от сапога.

Ну и на что мне эта правда?

Ну, мало ли... например, чтоб отличать от вранья.

*Юлий Ким,
24 ноября 2015*

*Светлой памяти моей сестры –
Мирры Самсоновны Разумовской
посвящаю*

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Часть первая

СЕМЬЯ

До войны наша семья жила на Третьей Красноармейской в старом четырехэтажном доме, в квартире, снятой для мамы дедом еще в 1915 году — году маминой и папиной свадьбы.

Окна квартиры смотрели на юг, солнце било в них все лето, наполняя комнаты зноем, и множество мух летело с находившейся во дворе помойки. После революции дом не ремонтировался, и штукатурка на стенах местами облупилась, обнажив бурый кирпич. Панель у дома состояла из выщербленных плит, а проезжая часть была вымощена крупным булыжником, по которому с грохотом проносились телеги. Этот грохот создавали железные обода на колесах, светлые от постоянного трения. Были и особые, шикарные телеги с резиновыми шинами и высоким сиденьем-сундучком для возчика. Они двигались относительно бесшумно и вызывали у нас, мальчишек, особое уважение. Лошади-тяжеловесы с мохнатыми щетками у копыт были украшены рядами желтых круглых латунных блях на сбруях.

К середине улицы булыжник сходиллся под наклоном, образуя скат для дождевой воды.

Напротив дома за дощатым забором помещался склад утильсырья, и туда часто съезжались подводы с разным хламом.

Я любил торчать у окон и наблюдать жизнь улицы. Особое удовольствие доставляли мне выпивки возчиков и последующие частые драки.

Выпивали возчики смачно. Достав из сундучка светлую бутылку, они аккуратно распечатывали ее и, отме-

рив темным корявым пальцем треть содержимого, запрокидывали в рот и с бульканьем выпивали свою долю. Затем передавали другому.

Буханка хлеба, зеленый лук и вобла были уже разложены на передке телеги. Хлеб разламывали на большие куски и отправляли в рот вместе с перьями зеленого лука; воблу же разламывали на мелкие кусочки, предварительно ударив ее о голенища грязных сапог, и медленно, со вкусом, пережевывали и сосали.

Выпив и закусив, возчики разбирали вожжи, подстегивали лошадей, которые с места срывались рысью к Забалканскому (Московскому) проспекту, и улица наполнилась невообразимым шумом.

Вход во двор ограничивали две покосившиеся гранитные тумбы, а над воротами висел гипсовый барельеф со знаком Осовиахима, который я любил разглядывать. Винтовка, перекрещенная пропеллером, в обрамлении листьев и лозунга озадачивала, что бы все это значило и как это сделано?

Вход во двор был переходом от света к мраку. Дворколодец, куда никогда не заглядывало солнце, узкий и грязный, был заставлен поленицами дров, между которыми мы, мальчишки, играли.

Рядом с домом, впритык к нему возвышалась громада Института гражданских инженеров, переименованного потом в Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ).

ЛИСИ всегда строился, и все детство перед моими глазами торчали деревянные леса, начинавшиеся за дощатым забором. Оттуда постоянно слышались стук молотков и скрежет пил, оттуда всегда летела пыль, оттуда же раздавался громкий звон, когда сторож бил молотком по подвешенной рельсе, возвещая о часе обеда или конце работы.

Нас, мальчишек, стройка притягивала постоянно. За забор лазить запрещалось, и именно поэтому мы ежедневно лазили туда и бегали по скрипучим рельсам. Самое же большое удовольствие и даже долг каждого мальчишки, обязанного доказать, что он не трус, заключались в том, чтобы прокрасться, минуя сторожа, к рель-

сине, бабахнуть по ней камнем и мчаться стрелой назад, через забор, к дому.

Были и другие уличные игры: лапта, «маялка», «пристеноч», футбол, а также категорически запрещенные катания на перилах.

Особым шиком при таких катаниях считалось умение подняться на четвертый этаж по приступочкам ступеней, с другой стороны перил, со стороны лестничного проема, цепляясь за металлическую ограду и с замиранием сердца поглядывая вниз.

Зато каким удовольствием было оседлать гладкие блестящие перила в конце пути и лихо скатиться оттуда вниз, до самого первого этажа!

Панель была нашим клубом, местом встреч и ристалищем, где по неписаному мальчишечьему закону устанавливался железный табель о рангах — кто сильнее. Самым сильным мальчишкой нашего дома был высокий жилистый чернявый Васька Медведев, один из членов многочисленной семьи Медведевых. Свое звание первого он нес с каким-то внутренним благородством — не злоупотребляя силой и не обижая младших. Отец его Виктор Медведев был безоговорочно признан мальчишками самым сильным мужчиной дома. Это мнение о себе он завоевал беспробудным пьянством, частыми драками во дворе, в которых зверел и мог заколотить противника насмерть, если бы из соседних квартир не сбегались мужики и не разнимали дерущихся. Дома он бил жену и шестерых детей, которые при его появлении, как черные тараканы, быстро разбегались и прятались. Жильцы избегали встреч с ним, когда он возвращался домой во хмелю с налитыми кровью черными глазищами и кулаками, глубоко упрятанными в карманы.

На первом этаже нашей «парадной» лестницы жила многочисленная семья Рагозиных. Михаил Рагозин, юркий мужичишка с темными усиками и бегающими глазками, был дворником нашего дома. Жена его Вера, скандальная толстая баба, вечно торчала в окошке и не упускала случая вмешаться в жизнь улицы, поднимая крик, и для установления справедливости оскорбляла всех направо и налево. Их сын Толька, мой сверстник, известный двору под кличкой «Карабзда», учился писать, выводя на заборе

ЛИСИ матерные слова, и каждый раз спрашивал меня, как написать ту или иную букву. Таким образом мы учились вместе: он грамоте, а я русскому фольклору. Михаил Рагозин не стоил бы упоминания, если бы я, много лет спустя, читая «Собачье сердце» Булгакова, отчетливо и однозначно не узнал в Шарикове нашего дворника с его хамством и одновременно угодливостью.

На втором этаже в квартире №4 жил мой приятель и ровесник Игорь Романов, с которым мы часто вместе играли. В дальнейшем, уже перед войной, он стал задира́ться, оспаривая мое законное пятое место в мальчишечьей иерархии. Все предыдущие годы я считался сильнее его. Но он подрос, окреп и бросил мне вызов, предложив «стыкнуться». Вызов я принял и в довольно жестокой драке одержал моральную победу. На деле он оказался сильнее и накостылял мне больше, чем я ему, но в конце драки заревел, и мальчишечья братия дружно присудила победу мне. Вернувшись домой с рваным рукавом и красной горящей физиономией, я сунул голову под кран. Мама забегала около меня с полотенцами, йодом и примочками, а папа, оказавшийся по случаю воскресенья дома, посмеивался и, казалось, был очень доволен случившимся.

После этого подрос и стал задира́ться Колька Яблоков, крепкий хулиганистый мальчишка. Но по рангу Колька был даже ниже Игоря, поэтому, после того как я резко оттолкнул его и предложил «стычку», он отступил, и драки не получилось.

Оба они умерли от голода зимой сорок первого года. И Игорь, и Колька, и многие другие ребята нашего дома, мои приятели и неприятели, с которыми мы вместе лазили по лесам, гоняли в футбол, воевали с мальчишками из других домов или загорали на крыше нашего дома...

На нашем третьем этаже в квартире №5 жила семья Ивановых. Мать Мария Ивановна, маленькая, забитая мужем и жизнью женщина, работала где-то на заводе. Отец, дядя Петя, инвалид, грузный, всегда пьяноватый, с носом цвета молодой свеклы, нигде не работал, но подрабатывал себе на хлеб и водку тем, что играл на свадьбах на гармонии обрубками пальцев. Там его кормили, поили и давали с собой остатки еды, которые момен-

тально исчезали в пяти голодных ртах. Две дочери, девочки двадцати и восемнадцати лет, и старший сын Вовка кормились самостоятельно, а Женька, Лилька и младший Витька питались неизвестно чем, где и когда. Однажды, когда я вышел утром на улицу, Вовка с друзьями окружили меня.

— Сейчас проверим, — сказал Вовка. — А ну повтори: на горе Арарат растет крупный виноград.

Я четко повторил фразу, недоумевая, зачем им это понадобилось.

— Надо же, — покачал головой Вовка, — все чисто!

Их квартира была убогой, темной, с окнами во двор. Старые, накрытые тряпьем топчаны, дощатый стол, несколько поломанных табуреток, железная круглая облупившаяся печка. Нищета била в глаза. Дети — худые и голодные, но, несмотря на это, доброжелательные и веселые. Моя мама шефствовала над этой семьей: часто дарила Марии Ивановне какие-то вещи, из которых мы вырастали, давала кастрюльку супа или еще что-нибудь съестное.

Женька был моим другом. Он часто приходил к нам. Мы вместе играли, вместе носились по Польскому саду, вместе ходили на «Чапаева», вместе обедали или ужинали, когда он бывал у нас. Женька был моим самым внимательным и преданным слушателем, когда я выносил на улицу детские книжки и читал их ребятам.

У Ивановых было одно богатство, которое они очень, я бы сказал, благоговейно берегли, — дореволюционные стеклянные елочные игрушки. На Новый год, когда в доме появлялась елка, из каких-то тайников извлекался заветный ящик с тщательно упакованными и переложенными ватой игрушками, и наступал торжественный момент — украшение елки. Ни у кого из наших знакомых я не видел таких нарядных сверкающих шаров, гирлянд, фонариков и бус!

Вся семья Ивановых погибла в блокаду. Все в разное время. К весне квартира оказалась пустой.

Рядом с нами на площадке в квартире №8 жили Липшицы, наши друзья: сестры Лена, Поля и Женя, их брат Генрих, врач, и их мать, тетя Ревечка. Сестры, кроме Поли, были бездетные. Меня там любили и баловали.